

**ЧЕЛОВЕК И МИР В РУССКОМ РОМАНЕ:
МЕТАМОРФОЗЫ ГЕРОЕВ «ОБЫКНОВЕННОЙ ИСТОРИИ» И.А. ГОНЧАРОВА***Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-012-00102*

В статье предлагается новая интерпретация финала «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова. На основании анализа многих неявных деталей высказывается гипотеза, что в эпилоге романа происходит не перерождение героев («чувствительного» племянника и «холодного» дяди), а их возвращение к собственному «я», скрытому как от них самих, так и от читателя. Этот вывод меняет ракурс рассмотрения «Обыкновенной истории» в контексте европейской литературы и полагает необходимость уточнения существующих типологических характеристик «Обыкновенной истории» (роман воспитания, роман «утраты иллюзий»). Характерный для европейской романной традиции конфликт «человек и общество» у Гончарова получает более оптимистичную трактовку: из текста уходит идея трагического, безысходного противостояния личности и социума. Конфликт с внешним миром рассматривается в соотношении с внутренними противоречиями героев и преодолевается на пути познания самого себя: Адуев-младший концентрируется на «карьере и фортуна», Адуев-старший отказывается от службы и дела ради здоровья жены и надежды на запоздалое обретение семейного счастья.

Ключевые слова: И.А. Гончаров, «Обыкновенная история», русский роман, теория романа, демократический роман, эпический роман, сравнительная поэтика, онтологический оптимизм, нарративная ирония.

Информация об авторе: Казакова Светлана Константиновна, кандидат искусствоведения, научный сотрудник Ассоциации искусствоведов, г. Москва, Россия.

E-mail: svka@inbox.ru.

Дата поступления статьи: 11.01.2020.

Для цитирования: Казакова С.К. Человек и мир в русском романе: метаморфозы героев «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 118-124. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-118-124.

Svetlana K. Kazakova
Association of Art Critics of Russia

**MAN AND THE WORLD IN THE RUSSIAN NOVEL – METAMORPHOSES OF HEROES
OF «A COMMON STORY» BY IVAN GONCHAROV***The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00102*

The article proposes a new interpretation of the denouement of «A Common Story» by Ivan Goncharov. Based on the analysis of many implicit details, it is hypothesised that the heroes' return to their own «I», hidden both from themselves and from the reader in the epilogue of the novel rather than the rebirth of heroes (the «sensitive» nephew and the «cold» uncle). This conclusion changes the perspective of the consideration of «A Common Story» in the context of European literature and considers it necessary to clarify the existing typological characteristics of «A Common Story» (a novel of upbringing, a novel of «loss of illusions»). Ivan Goncharov's conflict between people and society, which is characteristic of the European romance tradition, gets a more optimistic interpretation: the idea of a tragic, hopeless confrontation between the individual and society leaves the text. The conflict with the outside world is considered in relation to the internal contradictions of the heroes and is overcome on the path to knowing oneself: Aduiev Jr. concentrates on «career and fortune», Aduiev-uncle refuses service and work for the sake of his wife's health and hope for a belated gaining family happiness.

Keywords: Ivan Goncharov, «A Common Story», Russian novel, novel theory, demotic novel, epic novel, comparative poetics, ontological optimism, narrative irony.

Information about the author: Svetlana K. Kazakova, Candidate of Art History, Researcher, Association of Art Critics of Russia, Moscow.

E-mail: svka@inbox.ru.

Article received: January 11, 2020.

For citation: Kazakova S.K. Man and the world in the Russian novel – metamorphoses of heroes of «A Common Story» by Ivan Goncharov // Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 118-124 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-118-124.

Внаследии И.А. Гончарова есть камни преткновения, которые требуют от ученых особых усилий по интерпретации. К таким многозначным вопросам относится трактовка Эпилога «Обыкновенной истории», где фиксируются неожиданные метаморфозы действующих лиц романа.

Повествование, как мы помним, строится вокруг двух героев – дяди и племянника Адуевых.

Младший, Александр Федорович, полный восторженных юношеских мечтаний, приезжает в Петербург и останавливается в доме у своего родственника, Петра Ивановича Адуева, успешного чиновника и заводчика. В основе дальнейшего повествования лежит столкновение двух мировоззрений: мечтательного юноши и умудренного практически опытом человека дела. Постепенно

Александр избавляется от иллюзий, разочаровывается, уезжает в деревню, но затем все же возвращается в Петербург. В Эпиллоге читатель узнает, что Адуев-младший добился необыкновенного успеха – сделал, по выражению дяди, и карьеру, и фортуна. Сам же Петр Иванович собирается подать в отставку, продать дело и отбыть в Италию ради поправки здоровья жены.

Принятая интерпретация Эпилога помещает «Обыкновенную историю» в ряд текстов, сосредоточенных на теме изменения человека под воздействием *внешних обстоятельств*. Вокруг этой проблематики так или иначе строятся оценки финала и всего произведения в целом.

Бахтин относил «Обыкновенную историю» к роману воспитания, считая существенным моментом этой разновидности романного жанра «образ становящегося человека», «сюжетное значение» изменений характера героя [Бахтин 1979: 200]. Самого Гончарова М.М. Бахтин называл «крупнейшим представителем романа воспитания в России» [Бахтин 2012: 216]. Вослед Бахтину в русле концепции романа воспитания проводит свой анализ Е. Краснощекова – американский славист рассматривает параллель между «Обыкновенной историей» и эталонным образцом жанра – «Годами ученья Вильгельма Мейстера» И.-В. Гете. На этом фоне финал «Обыкновенной истории» выглядит несколько инородно. Классическая линия Bildungsroman(a) предполагает, что «уроки образования ума и “воспитания чувств” приносят, в основном, позитивные плоды, а отрезвление больше проходит под знаком приобретений, чем потерь» [Краснощекова 2012: 121]. В «Обыкновенной истории», напротив, речь идет не о развитии, а разрушении личности героя – Краснощекова говорит об «эмоциональном обесцвечивании» Адуева-младшего [Краснощекова 2012: 121]. Исследователю приходится делать оговорку: «Эпилог романа Гончарова напоминает не столько конец романа Гете, сколько финалы романов воспитания, созданных до него» [Краснощекова 2012: 121]. При этом славист ссылается на формулировку Бахтина, относящуюся к критическому и абстрактному реализму эпохи Просвещения: «процесс становления героя приводит в результате не к обогащению, а некоторому обеднению мира и человека»¹.

«Bildungsroman... всегда моноцентричен: рядом с главным героем другие выступают как персонажи второго ряда» [Краснощекова 2003: 10]. Типологическое определение «Обыкновенной истории» как романа воспитания исходит из признания неравноценности образов племянника и дяди Адуевых. В утвердившейся гончароведческой традиции нарративная функция истории Петра Ивановича сводится, с более или менее существенными оговорками, «к схеме повторяемости – совпадения возрастов» [Краснощекова 2003: 12].

«Большинство исследователей согласно в том, что Александр и Петр Адуевы тождественны и обыкновенны, только представляют разные периоды жизни», – формулирует господствующую точку зрения венгерский исследователь Ангелика Молнар [Молнар: 40]. Актуальность трактовки подтверждают А. Фаустов и С. Савинков: «...Неоднократно говорилось о том, что “Обыкновенная история”... – роман о “двух возрастах” жизни. И в этом смысле Адуев-старший и Адуев-младший представляют собой различные возрастные “аватары” одного и того же лица, причем подобный принцип соотношения героев нужно распространить и на эпилог романа (столь озадачивший многих читателей), где Александр Федорыч повзрослеет, а вот Петр Иванович уже – постареет, переступит порог следующего возраста, снова очутившись на шаг впереди своего племянника» [Фаустов, Савинков: 157].

В литературе о Гончарове утвердилась еще одна линия сравнительного анализа – «Обыкновенная история» рассматривается в контексте европейского реалистического романа XIX века, прежде всего французского, с его характерной темой поэтапного разочарования². Неоднократно исследователи обращались к «Утраченным иллюзиям» Бальзака, основываясь на сходстве мотивов двух произведений: приезд молодого провинциала, мечтающего покорить столицу; артистические претензии при недостатке таланта; цепь разочарований, компромисс³.

Специфику «Обыкновенной истории» выявляют несовпадения с бальзаковским решением темы. Американский исследователь Милтон Эре обращает внимание на различия сфер, где происходят столкновения с действительностью: для Александра источником разочарований становятся любовь и искусство, для Люсьена, героя Бальзака, – борьба за место в жизни и власть. Самым очевидным расхождением Эре называет финалы романов: «Александр в Эпиллоге примыкает к тому миру, чьи ценности он ранее отвергал; Люсьен остается вне общества» [Ehre: 134]. Авторитетный исследователь М.В. Отрадин добавляет к этим наблюдениям еще одно: «...в “Утраченных иллюзиях” подробно рассказывается о том, как Париж “ломает” героя», а в «Обыкновенной истории» «давление Петербурга, “века” ощущается, но оно в развитии Адуева-младшего отнюдь не воспринимается как определяющее...» [Отрадин: 35]. Иными словами, в рамки европейского реалистического романа «утраты иллюзий» «Обыкновенная история» «втискивается» с не меньшим трудом, чем в схему романа воспитания XVIII века. И корень затруднений – «нестандартный» финал повествования, который со времен Белинского принято считать неподготовленным (или, по крайней мере, создающим впечатление неподготовленности).

Внимательное прочтение «Обыкновенной истории» позволяет заметить подробности, кото-

рые выводят на иной уровень восприятия текста. Сама идея скрупулезного анализа романа Гончарова в поисках некоего потаенного смысла может показаться надуманной, однако она полностью соответствует интенции автора. В статье «Лучше поздно, чем никогда» Гончаров указывал на существование скрытых «ключей», незамеченных, как кажется, даже самым чутким читателем. Из слов автора очевидно, что существенная информация не лежит на поверхности – не разъясняется и не преподносится «на блюдечке», ее надо искать и расшифровывать. Обдумывание авторских подсказок, прежде всего, уточняет характеры героев, при этом традиционная схема «чувствительный племянник, холодный дядя» начинает «рассыпаться».

С самого начала романа Александр Адуев проявляет себя не как истинно тонкая натура, а как обыкновенный эгоист с банальной претензией на возвышенность и исключительность. В первой же главе читатель может заметить как минимум одно явное противоречие между тем, что герой сам мнит о себе – и тем, как его характеризует нарратор (в чьей осведомленности и объективности сомнений не возникает). Собираясь в Петербург, Александр прощается со своей подругой Софьей:

«– Саша! Милый Саша!.. – Соничка!.. – шептали они, и слова замерли в поцелуе.

– Вы забудете меня там? – сказала она слезливо.

– О, как вы меня мало знаете! я ворочусь, поверьте, и никогда другая...

– Вот возьмите скорей: это мои волосы и колечко.

Он проворно спрятал и то и другое в карман» [Гончаров: 190].

Относительно «никакая другая...» и проч. нарратор не оставляет читателю никаких сомнений: «Он [Александр] любил Софью пока маленькой любовью, в ожидании большой» [Гончаров: 179]. В поле интерпретации остается вопрос, лжет юноша или заблуждается на свой счет (скорее всего, второе), но эта загадка едва ли займет читателя: все дело в том, что мнение нарратора вообще теряется на фоне патетических сцен с объятиями, слезами и паданьем лицом в подушку, которые – по ироничному замыслу автора – покоряют сердца публики.

В характеристику Адуева-старшего Гончаров также внедряет противоречие – между словами персонажа и его поступками. «Знаков терпеть не мог», – уверяет Петр Иваныч, выбросив памятные мелочи, «вещественные знаки невещественных отношений» (те самые локон и колечко, которые Александр привез из деревни) [Гончаров: 214]. Петр Иваныч точно лжет: в молодые годы он вытащил ленточку из комода Марьи Горбатовой. Не помнить об этом он не может, поскольку о славном эпизоде напомнила в письме сама героиня его юношеского «романа», равно как и о мальчишеском подвиге доставания желтого цветка «с опасностью

жизни и здоровья» по колено в воде. «По гроб жизни» девушка запомнила не только то, как Петр влез в озеро, но и его искреннюю заботу: «...Из стелька... тек какой-то сок и перемарал нам руки, а вы почерпнули картузом воды, дабы мы могли их вымыть; мы очень много тогда этому смеялись. Как я была тогда счастлива!» [Гончаров: 196–197]. Суть авторской игры в том, что к моменту выяснения позиций дяди и племянника по вопросу «знаков» читатель, скорее всего, забыл о ленточке из комода Марьи Горбатовой (если вообще обратил на нее внимание).

Гончаров как будто предлагает фон для оценки образа Александра, нравственный камертон определения чистоты его помыслов и поступков. Неявное «приглашение к сопоставлению» – еще один прием внедрения зашифрованной информации о героях, помогающий познать истину в сравнении.

В поведении Александра, всегда напыщенном и мелодраматичном, не обнаруживается ничего похожего на трогательный жест Петра. И пусть читателя не вводит в заблуждение деликатное «мы» в письме Горбатовой («дабы мы могли их [руки] вымыть»). Петр черпал воду картузом исключительно для Марии, сам он и так стоял по колено в озере. Нюансы есть и в ситуации с памятным знаком, на первый взгляд абсолютно зеркальной: ленточку юный Петр вытащил сам (и кстати, «не смотря на... крики и моления»); локон и колечко подарила Софья; она же вышила метки на белье. Прибавим, что в день отъезда друг Александра «нарочно скакал целые сутки, чтоб проститься». А что сделал сам герой для других? Даже сопровождающий барина в столицу слуга Евсей хотел было оставить подарок даме сердца, но передумал по причине ревности. Этот мимолетный каприз он искупит в конце повествования – из Петербурга Евсей привезет подарки и своей Аграфене, и всей дворне. А Александр? Ничего. Никому. Мог хотя бы посвятить барышне элегию на прощание или экспромт мчавшемуся за тридевять земель другу (не зря же Гончаров уведомил публику о способностях юноши: «Стихи его удивляли товарищей»).

Столичные любовные приключения Адуева-младшего также предоставляют материал для сравнения. Однажды, собираясь в гости к Надиньке, Александр задержался на службе: «поздно: к обеду не успеет. Он бросился к ресторатору». Юноша был так взволнован предстоящим свиданием, что перепутал у ресторатора все блюда: «суп à la provençale, соус julienne и жаркое суфле, только поскорее!». Слуга подал, «что ему вздумалось. Адуев остался очень доволен. Он не дождался четвертого блюда и побежал на набережную Невы» [Гончаров: 251–252]. Казалось бы, вот оно, свидетельство подлинных чувств. Но авторская ремарка двусмысленна: «не дождался четвертого» означает также, что, несмотря на возбуждение, он

съел аж три блюда с удовольствием. А между тем в ожидании Александра Надинька задержала обед долее чем на час (он бы успел, если бы не пошел к ресторатору), но в конце концов так и не села за стол – не отобедав, вышла встречать Александра на набережную с чашкой молока и сухариком.

Второй петербургский роман Александра, со вдовой Юлией Тафаевой, предоставил еще менее свидетельств душевности героя. История чуть не закончилась свадьбой – влюбленные уже «начали толковать» о переустройстве дома Юлии, «о распределении комнат и проч. <...> Александр предложил обратить ее уборную в свой кабинет» [Гончаров: 369]. Даже в мечтах (т. е. хотя бы на словах, не на деле) Адуев-младший не проникается заботой о любимой женщине – планирует отобрать у нее комнату в ее же собственном доме. И будто случайно, мимоходом Гончаров упоминает «роскошную мебель», «игрушки и дорогие безделки» будуара жены Петра Иваныча [Гончаров: 315].

Жилище выявляет подлинные душевные склонности персонажа. Некоторые исследователи считают, что Гончаров не уделяет внимание интерьерам. Формально это так – в «Обыкновенной истории» мы не увидим пространственных описаний комнат с авторской ремаркой, как в их убранстве отразилась личность персонажа⁴. Но это также часть игры с читателем. Если собрать отрывочные описания жилых помещений дяди и племянника, разбросанные по роману, то получится неожиданная картина. Комнату Александра характеризует множество листков в ящиках, бумажек и клочков, не снятый нагар на свечах. Кабинет Петра Иваныча полон ненужных (с практической точки зрения) вещей: мы найдем там бюстики, вазочки, бисерную корзинку для бумаг. Адуев-старший придает значение красивому виду из окна – предлагая племяннику снять «превеселенькую» и недорогую комнату, он отмечает единственный недостаток: «...окнами немного в стену приходится». Артистизм, любовь к художественным мелочам – против прозаичности, сухости, невнимания к деталям. Так кто есть кто?

Петр Иваныч не был лишен чувствительности в юности (это мы уже видели), но он не утратил способности любить и в зрелости. Вопреки своим рассудочным теориям, Петр Иваныч женился вовсе не по расчету – об этом проговорился он сам в ходе очередного обсуждения литературного опуса Александра:

«– А биение сердца, трепет, сладостная нега и прочее такое – с кем не бывает?

– Да с тобой, я думаю, первым! – заметила жена.

– Ну, вот! А помнишь, я бывало, восхищался...

– Чем это? не помню.

– Все испытывают эти вещи, – продолжал Петр Иваныч...» [Гончаров: 334].

Это ли не признание? А сдержанность в выражении чувств Адуева-старшего объясняется очень

просто – он сам формулирует причину в ответ на очередные изливания племянника. Александр говорит о силе любви. «Сила любви! – повторил Петр Иваныч, – все равно, если б ты сказал – сила слабости» [Гончаров: 325]. Вот корень проблемы – Адуев-старший считает любовь слабостью. Позволительно ли выказывать слабость настоящему мужчине? Очевидно, он убежден, что – нет. Эта позиция может быть следствием заблуждения, но никак не душевной черствости.

С одной стороны, Гончаров буквально вынуждает аудиторию поверить в то, что дядя действительно суров и расчетлив, а племянник – чувствителен и артистичен. Эта информация обрушивается на читателя со многих сторон. Одновременно автор дает подсказки к распознаванию литературной игры, иронии и раскрывает глубинное содержание: во все периоды своей жизни дядя проявлял больше доброты, заботы, восприимчивости к красоте и искусству, чем эгоист-племянник⁵.

Обнаруженные проявления скрытой сущности главных персонажей меняют восприятие эпилога. Сопоставление деталей и романских фактов приводит к выводу, что в финале произведения герои не преобразились, а вернулись к собственному «я», которое по разным причинам долгое время находилось под спудом. Структура «Обыкновенной истории» могла быть подсказана античной метаморфозой: подобно персонажу «Золотого осла» Апулея герои Гончарова ходят «в чужой шкуре» и лишь в Эпилоге предстают в подлинном обличье.

Вместо драмы о личности, раздавленной духом времени, перед нами предстает искрометная история со счастливым концом, где в Эпилоге каждый герой получает то, к чему в глубине души стремился. По сути, «Обыкновенная история» разворачивается как классическая комедийная интрига *qui pro quo* («кто за кого») с традиционным узнаванием в финале⁶. Эта схема была хорошо отработана Эженом Скрибом, и, видимо, произвела впечатление на русского романиста. Гончаров взял у французской пьесы не только название («Simple histoire», т. е. почти буквально «Обыкновенная история», – популярный водевиль Э. Скриба и Ф. де Курси⁷), но также имя персонажа (в русском адаптированном переводе пьесы главного героя, племянника, которого поучает суровая тетушка, звали Александром Федоровичем)⁸.

Почти в пародийном ключе Гончаров «пересказывает» руссоистско-романтический мотив – «неудовлетворенность окружающим миром, невозможность найти в нем место» (формулировка Э. Ауэрбаха). Надуманные, несущественные горести Александра с изрядным юмором разоблачает Петр Иваныч:

«– Что же с тобой? Не проигрался ли ты или не потерял ли деньги? – с живостью спросил Петр Иваныч.

– Вы никак не можете представить себе безденежного горя! – отвечал Александр, стараясь улыбнуться.

– Что ж за горе, если оно медного гроша не стоит, как иногда твое?..

– Да, вот как, например, теперь. Вы знаете ли мое настоящее горе?

– Какое горе? Дома у тебя всё обстоит благополучно: это я знаю из писем, которыми матушка твоя угощает меня ежемесячно; на службе уж ничего не может быть хуже того, что было; подчиненного на шею посадили: это последнее дело. Ты говоришь, что ты здоров, денег не потерял, не проиграл... вот что важно, а с прочим со всем легко справиться; там следует вздор, любовь, я думаю...

– Да, любовь; но знаете ли, что случилось? когда узнаете, так, может быть, перестанете так легко рассуждать, а ужаснетесь...

– Расскажи-ка; давно я не ужасался...» [Гончаров: 293]

Кульминация конфликта Александра с миром представлена автором с нескрываемой иронией: желая покончить с собой, молодой человек пугается за свою жизнь из-за поплывшего разводного моста:

«Он мысленно прощался с жизнью, посылал вздохи к матери, благословлял тетку, даже простил Надиньку. Слезы умиления текли у него по щекам... Он закрыл лицо руками... Неизвестно, что бы он сделал, как вдруг мост заколебался у него под ногами; он оглянулся: Боже мой! он на краю пропасти: перед ним зияет могила: половина моста отделилась и отплывает прочь... проходят барки; еще минута – и прощай! Он собрал все силы и сделал отчаянный прыжок... на ту сторону. Там он остановился, перевел дух и схватился за сердце.

– Что, барин, испужался? – спросил его сторож.

– Чего, братец, чуть было в середину не попал, – отвечал дрожащим голосом Александр» [Гончаров: 408].

Беды Александра порождены не реальным конфликтом с внешним миром (что отражал европейский роман XIX века), а неразберихой в голове, т. е. в мире *внутреннем*. Незнание себя, ложная, завышенная самооценка, непомерные требования к другим, недостаток честной рефлексии – вот истинные причины «ударов судьбы» Адуева-младшего. Как только Александру покоряется искусство самоанализа (под влиянием уроков жизни), мир открывает перед ним блестящие возможности – успехи по службе, удачная женитьба, т. е. то, к чему его готовил дядя («карьера и фортуна»). Этот вектор внутреннего развития Адуева-младшего уже отмечался в литературе: «...до эпилога он показан как личность, которая, при всех кризисах и разочарованиях, не просто меняется, набирается жизненного опыта, но явно “идет вверх”. Александр постепенно обретает способность более глубоко и объективно судить о людях и о себе, он мудреет...»⁹ [От-

радин: 35]. Краснощекова обращает внимание на авторскую ремарку в первой главе о прямом пути, который не заметил Александр. В рамках ее концепции фраза объясняется как трудности самообретения: «В ситуации Петербурга дорога к себе оказалась для Адуева куда более тяжелой, чем могла бы быть в усадьбе» [Краснощекова 2003: 10].

Новый взгляд на финал романа меняет нарративный статус образа Адуева-старшего – он выходит за узкие рамки предлагаемых амплуа (ментор, двойник, фон или «зеркало» для героя). Судьба Петра Иваныча перестает казаться трагедией – его не ломала жизнь, в финале нет безысходного экзистенциального конфликта; все проблемы, как и в случае с племянником, «сидят» в голове. Петр Иваныч сотворил себя сам, так, как хотел, и так, как понимал «дух времени».

Эпилог романа предлагает оптимистическое решение конфликта «человек и общество»¹⁰ – Адуев старший «выходит из игры». В критический момент он оказался способным положить предел влиянию «духа века» на собственную жизнь¹¹. Залог успеха его усилий по спасению брака – в открытом самоанализе, признании ошибок, которые он допустил в обращении с женой. Представив образцовый пример саморефлексии в Эпилоге, едва ли Гончаров подразумевал трагический финал своего произведения.

Таким образом, предлагаемая трактовка романа «Обыкновенная история» выявляет онтологический оптимизм Гончарова в решении темы «человек и общество» на фоне европейской романной традиции XVII–XIX веков. Из текста Гончарова уходит идея трагического, безысходного противостояния личности и социума. Художественная разработка конфликта человека с обществом обогащается темой познания самого себя. Возможным источником противостояния признается внутренний мир героя, при этом внешние противоречия получают принципиальную возможность разрешения на пути самоанализа и работы над ошибками.

Из сказанного также вытекает, что вопрос о месте «Обыкновенной истории» в типологии мировой литературы до конца не решен и требует дальнейшей разработки и уточнений.

Примечания

¹ Краснощекова все же относит «Обыкновенную историю» к жанру романа воспитания, выходя из затруднений с помощью оксюморонного (по ее же признанию) термина «открытый эпилог» [Краснощекова 2012: 125].

² «A Common Story has been compared to Balzac's *Illusions perdues* and included in the tradition of the novel of systematic disillusionment, which is perhaps the characteristic form of the nineteenth century realistic novel, especially in France» [Ehre: 134].

³ См., например: [Ehre: 134], [Отрадин: 34].

⁴ Именно так Гончаров поступил в одном из своих ранних произведений – «Счастливой ошибке». Описывая комнату героини, он подчеркнул, что на всех вещах «лежит печать ее присутствия».

⁵ Такой способ повествования мы обозначаем термином нарративная ирония. Определение «нарративная» подразумевает, что, в отличие от вербальной иронии, прямой смысл нигде не сформулирован автором, он существует как вывод, который читатель делает сам, но под воздействием, казалось бы, очевидных аргументов. Второй смысл в обоих случаях (вербальной и нарративной иронии) скрыт.

⁶ Идея соотнести «Обыкновенную историю» с комедией не нова – она разрабатывалась в прошлом веке как отечественными, так и зарубежными исследователями (однако, насколько нам известно, трактовка эпилога как разрешения цепи ошибок и недоразумений из-за незнания себя в литературе не встречалась). Американский исследователь Милтон Эре увидел в романе Гончарова черты комедии нравов (comedy of manners) – о взрослении человека, утрате иллюзий, компромиссах зрелости. Традиции русской комедии первой половины XIX века в «Обыкновенной истории» рассматривал С.М. Шаврыгин. Сопоставляя роман с комедией А.А. Шаховского «Новый Стерн», исследователь обратил внимание на изначальные проявления эгоизма Александра (в первой главе романа), (однако к выводу о раскрытии в Эпилоге подлинной натуры Александра не пришел): «Молодой герой, стремящийся к изменению привычного образа жизни, в эгоистическом желании не замечает родительского горя <...> невольно отступает от обязанностей сыновних, забывает о сыновней благодарности» [Шаврыгин: 199].

⁷ Обыкновенный случай, комедия-водевиль в одном действии (Э. Скриб, Ф. де Курси, Харьков, 1838. «Печать позволяет: <...> М., 1838 г. Февраля 12 дня. Цензор Василий Булыгин»).

⁸ Подробнее об этом см.: С. Казакова. Обыкновенный случай: диалог Гончарова со Скрибом // Вопросы литературы. 2018. № 4.

⁹ Видимо, формулировку «идет вверх» следует понимать именно в контексте роста самосознания Адуева-младшего. Что касается других аспектов, в частности отношений с женщинами, с матерью, то нравственный прогресс героя вызывает сомнения.

¹⁰ Литературоведы давно стремятся осмыслить в научных категориях особое сопряжение личного и общественного в русском романе второй половины XIX века. Вяч. Иванов в свое время предложил термин «демотический роман» (от слова «демос» – народ), метафорически уподобляя его «оку народа, загоревшемуся в одиноличной душе, но наведенному на весь народ, чтобы последний мог обозреть себя самого и себя осознать». Такой роман большого сти-

ля, по мнению Иванова, «возвышается... до высот мирового, вселенского эпоса и пророчесственного самоопределения народной души». Похожую мысль пытается закрепить термином «эпический роман» В. Андреева, подразумевая под ним сохранение соборного начала в иерархии ценностей, построенной вокруг «главенствующей мысли о человеке».

¹¹ В литературе иногда слишком драматизируют ситуацию с болезнью Лизаветы Александровны, пророча ей чуть ли не смерть от чахотки. Сошлемся на мнение ее лечащего врача: «А может быть, и ничего нет. Подозрительных симптомов решительно никаких! Это так... вы засиделись слишком долго здесь, в этом болотистом климате. Ступайте на юг: освежитесь, наберитесь новых впечатлений и посмотрите, что будет. <...> Я повторяю вам, что сказал в первый раз, то есть что организм ее не тронут: разрушительных симптомов нет. Малоокровие, некоторый упадок сил... – вот и всё!» [Гончаров: 455].

Список литературы

Ауэрбах Эрих. Мимесис / пер. с нем. Ал. Михайлова. М.: Прогресс, 1976. 556 с.

Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Гончаров И.А. Обыкновенная история // Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. 829 с.

Краснощечкова Е.А. И.А. Гончаров: Bildungsroman на русской почве // И.А. Гончаров: материалы Междунар. конф. Ульяновск: Изд. Корпорация технологий продвижения, 2003. С. 7–19.

Краснощечкова Е.А. И.А. Гончаров: Мир творчества. СПб., Изд. Пушкинского фонда, 2012. 528 с.

Молнар Ангелика. Поэзия прозы в творчестве Гончарова. Ульяновск: Изд. Корпорация технологий продвижения, 2012. 448 с.

Отрадин М.В. Проза И.А. Гончарова в литературном контексте. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 168 с.

Фаустов А.А., Савинков С.В. Универсальные характеры русской литературы. Воронеж: ВГПУ, 2015. 312 с.

Шаврыгин С.М. Традиции русской комедии первой половины XIX века в «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова (И.А. Гончаров и А.А. Шаховской) // И.А. Гончаров: материалы междунар. конф. Ульяновск: Стержень, 1994. С. 196–203.

Ehre Milton. Oblomov and his Creator: Life and Art of Ivan Goncharov. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1974. 309 p.

References

Auerbakh Erikh. *Mimesis. Per. s nem. Al. Mikhailova* [Mimesis. Per. from German Al. Mikhailova]. Moscow, Progress Publ., 1976, 556 p. (In Russ.)

Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii. T. 3. Teoriia romana (1930–1961 gg.)* [Collected works. Vol. 3: Theory of the novel (1930–1961)]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2012, 880 p. (In Russ.)

Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979, 424 p. (In Russ.)

Goncharov I.A. *Obyknovennaia istoriia* [Ordinary story]. Goncharov I.A. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. SPb.: Nauka Publ., 1997, vol. 1, 829 p. (In Russ.)

Krasnoshchekova E.A. *I.A. Goncharov: Bildungsroman na russkoi pochve* [I.A. Goncharov: Bildungsroman on Russian soil]. *I.A. Goncharov: Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii* [I.A. Goncharov: materials of the International Conference]. Ul'ianovsk, Korporatsiia tekhnologii prodvizheniia Publ., 2003, pp. 7–19. (In Russ.)

Krasnoshchekova E.A. *I.A. Goncharov: Mir tvorchestva* [I.A. Goncharov: The World of Creativity]. SPb., Pushkinskiy fond Publ., 2012, 528 p. (In Russ.)

Molnar Angelika. *Poeziia prozy v tvorchestve Goncharova* [Poetry of prose in the works of Goncharov]. Ul'ianovsk: Korporatsiia tekhnologii prodvizheniia Publ., 2012, 448 p. (In Russ.)

Otradin M.V. *Proza I.A. Goncharova v literaturnom kontekste* [Prose I.A. Goncharova in the literary context]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 1994, 168 p.

Faustov A.A., Savinkov S.V. *Universal'nye kharaktery russkoi literatury* [Universal characters of Russian literature]. Voronezh, VGPU Publ., 2015, 312 p. (In Russ.)

Shavrygin S.M. *Traditsii russkoi komedii pervoi poloviny XIX veka v «Obykvennoi istorii» I.A. Goncharova (I.A. Goncharov i A.A. Shakhovskoi)* [Traditions of Russian comedy of the first half of the 19th century in Ordinary History I.A. Goncharova (I.A. Goncharov and A.A. Shakhovskaya)]. *I.A. Goncharov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [I.A. Goncharov. Materials of the international conference]. Ul'ianovsk, Sterzhen' Publ., 1994, pp. 196–203. (In Russ.)